

«Служить живому обновленья чуду...»: о неизданных стихах Владимира Державина

И.Е. Лоцилов
НОВОСИБИРСК

Известно, что стихи Владимира Державина (1908–1975) высоко ценили Ахматова, Мандельштам и Пастернак; Горький, Фадеев и Луговской.

Имя его, однако, в первую очередь связывается с художественным переводом: наследие Державина-переводчика огромно по объему и охвату языков и культур; наибольшую известность получили его переводы с языков Востока и переводы национальных эпосов народов СССР¹. По сей день остаются малоизвестными и неизученными его оригинальные поэтические сочинения. О Державине-поэте с начала 1980-х годов периодически напоминает читателям, по нашим наблюдениям, лишь критик И.И. Ростовцева.

Владимир Васильевич Державин родился 1 (14) ноября 1908 года в уездном городе Нерехта Костромской губернии, в семье земского врача и сельской учительницы. Детство прошло в Кологриве, в доме бабушки Е.В. Пановой, среди книг, доставшихся по наследству от дяди, нижегородского издателя и библиофила, народника А.В. Попова (1865-1903). «Богатая библиотека его была перевезена в кологривский дом Евдокии Васильевны Пановой и стала настоящим университетом для внука Володи»². К ранним годам относится и общение с известным художником (учеником Репина), писателем и «народным мыслителем» Е.В. Честняковым (1874-1961), жившим и работавшим в деревне Шаблово под Кологривом. Вероятно, именно в эти годы был зало-

¹ См.: Владимир Державин: Био-библиографический указатель / сост. Е.П. Быллырытова. Якутск, 1977; *Державин В.В.* Древний путь: Избранные переводы из узбекской поэзии / сост. Т.Д. Державина. Ташкент, 1978; Он же. Завет. Книга переводов / Вступ. ст. Л.И. Климовича. М., 1986.

² *Коптяева А.Д.* Золотое звено // Дружба народов. 1983. № 12. С. 231. См. также о ранних годах поэта главу в книге, написанной его двоюродным племянником: *Масленников А.А.* Подвиг поэта // Масленников А.А. Вглядываясь в прошлое. М., 2011. С. 74–82.

жен тот своеобразный культурный фундамент, который отличал Державина от множества литераторов его поколения. С 12 лет будущий поэт учился в Костромской художественной студии; в 1924 году Державин едет в столицу и учится во ВХУТЕМАСе; среди его наставников в живописи называют имена Р. Фалька, А. Древина и П. Кончаловского.

В 1928 году показывает свои стихи Горькому, во время его пребывания в СССР. В журнале было напечатано стихотворение двадцатилетнего Державина «Гулянка» – первая публикация поэта¹.

К началу 1930-х относится важный и неоднозначный эпизод биографии Державина – жизнь и работа среди обитателей Болшевской Трудовой коммуны ОГПУ им. Г.Г. Ягоды, куда молодой поэт, не имевший жилья в Москве, отправился (или был отправлен) по рекомендации Горького. В 1931–1934 годы Державин принимает участие в культурной жизни этого своеобразного пени-тенциарно-педагогического учреждения.

С 1934 года в журналах начинают печататься стихотворения Державина и фрагменты поэмы «Первоначальное накопление»; одна из этих публикаций вызвала резкую (и опасную) характеристику, прозвучавшую в выступлении С. Кирсанова на Первом Всесоюзном съезде советских писателей². Тем не менее через два года благодаря покровительству Горького вышла единственная прижизненная книга поэта³.

Последняя из известных нам журнальных публикаций относится к 1940 году⁴; в последующие годы, вплоть до конца жизни (поэт умер от рака 5 октября 1975 года), Державин печатался исключительно в качестве переводчика. На сайте «Век перевода» о поэте говорится: «Как человек Державин был очень изолирован от коллег по цеху»⁵. Собственных стихов Державин писал в 1940–1970 годы немного, но – писал; автор этих строк занимается в настоящее время подготовкой к публикации материалов, сохранившихся в частных и государственных архивах.

Особое место среди них занимает папка, предоставленная мне А.Б. Слонимером (Москва), которому я, пользуясь случаем, выражаю сердеч-

¹ Державин В. Гулянка (Старое и новое) // Жернов: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 1928. № 3–4, март. С. 15. В заметке С. Баруздина в качестве места публикации ошибочно указана газета «Комсомольская правда» (Баруздин С. О Владимире Державине // Баруздин С. Люди и книги: Литературные заметки. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 131).

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 525–526.

³ Державин В. Стихотворения. М., 1936.

⁴ Державин В. Из кавказской тетради // Знамя. 1940. № 4–5. С. 52–57. В общей сложности к 1928–1940 гг. относятся 15 публикаций поэта в журналах и альманахах (возможно, нами учтены пока не все). Лишь три из них можно, кажется, счесть данью губительной для поэзии эпохе.

⁵ [Витковский Е.В.] Владимир Державин (1908-1975) // Режим доступа в Сети: URL: [<http://www.vekperevoda.com/1900/vderzhavin.htm>]. Дата обращения: 18.06.2012.

ную благодарность. Публикуемые ниже тексты и фрагменты, за исключением особо оговоренных случаев, извлечены из этой папки.

В одном из поздних автобиографических набросков Державин, вспоминая ранние годы, писал: «<...> “лекции” (живые увлекательные рассказы деда о древней истории (Эллада, Персия, Ахемениды, Диодохи, Аршаниды, Рим) – Геродот, Плутарх; Книги – Витрувий (в связи с интересом к истории искусств) <...> и бесконечное чтение [(из-за болезни в детстве)], бесконечное количество источников, книг (названия которых я не вспомню), [выздоровление, школа], занятия музыкой живописью и писанием стихов».

История и культура предстают в стихах Державина не как научное знание, но как «живые увлекательные рассказы» стариков внукам¹, как захватывающее, подобно лихорадке, детское чтение; горизонты русской и европейской истории открываются как *картины-видения*², и разворачиваются как эпические сказания.

Юрий Сергеевич Степанов обращал особое внимание на бергсонианские истоки искусства XX века: урок выучен тогда, когда «я представляю себе те фразы, которые я проходил раз за разом, и каждое из следовавших одно за другим прочтений возникает в моем сознании во всей своей неповторимости: я снова вижу его в тех обстоятельствах, которые его сопровождали и которые еще окружают его для меня; каждое прочтение отличается от предыдущих и последующих именно тем местом, которое это прочтение заняло во времени, короче, – каждое прочтение проходит передо мной как определенное событие

¹ О деде поэта, Семене Ивановиче Державине см.: *Масленников А.А.* Указ. соч. С. 69–74.

² Д. Мирский (Д.П. Святополк-Мирский) отмечал «кинематографический подход к теме, как к ряду быстро сменяющихся, очень эскизных картин» (*Мирский Д.* Стихи 1934 года. Статья II // Литературная газета. 1935. № 23 (514). 24 апр. С. 3). Далее следовал упрек в «фактических нелепостях»: «...он говорит о Свифте, стоящем у позорного столба и подвергающемся издевательствам толпы, хотя Свифт всю жизнь был уважаемым церковником, и у позорного столба стоял не Свифт, а Дефо». Строку «Свифт-развратитель был к столбу привязан стоя» (Державин В. Северное море // Литературная газета. 1934. № 121 [437], 10 сент. С. 4) в книге автор заменил на «В тот вечер был Дэфо к столбу привязан стоя» (Державин В. Стихотворения. М., 1936. С. 29). Исходная путаница, скорее всего, была намеренной: она характеризует определенный тип читательского сознания. Когда мы впервые в жизни знакомимся с Гулливером и Робинзоном Крузо, имена и образы создателей книг об ихключениях легко могут слиться. Это позиция застывшего в изумлении перед историей и культурой отрока из неизданного стихотворения Державина «С каждым полднем лето тяжелеет...»: «Все поймет, проверит и предскажет / Не пророк, а отрок изумленный, / Что глядит с восторгом и испугом / В полночь на вскипающий восток» (РГАЛИ. Ф. 1563 [Ред. журнала «Пролетарский авангард»]. Оп. 2. Ед. хр. 148. Л. 9).

моей истории. Человек тогда говорит, что эти образы – воспоминания, что они запечатлены в его памяти»¹.

Стихи Державина, не получившего систематического образования, обнаруживают, тем не менее, подлинно энциклопедические познания автора, иной раз – в самых неожиданных областях и пространствах. Истоки этих знаний ведут в кологривское детство, в заповедные уголки детской и отроческой памяти, к «лекциям» деда и ранним читательским переживаниям.

Один из постоянно возвращающихся в поздних поэтических опытах (и даже в сновидениях) Державина сюжетов связан с возвращением в это символическое пространство памяти, личной и общечеловеческой в одно и то же время, – возвращением, которое оборачивается неудачей, невозможностью вернуться, ибо пространство это за время отсутствия героя подверглось опустошению, осквернено.

Вот как выглядит беглая карандашная запись сна, которую поэт хранил в рабочей папке:

1960 8/ХП вкладыш

خواب²

дом опоганен.

на летней террасе варят клей и еще что то оч. зловонное

дальше – перегородки, что то пьлят и сколачивают – (на продажу?)

хозяйка – старуха, спекулянтка.

мне освобождают три мои любимые комнаты,

старуха требует деньги вперед. (За мой дом!)

перевод денежный запаздывает

Пригород, что то врод<е> Спасского (пр.<авый> б.<ерег> Волги [*почти* ниже Ипатия])

Сутробы, таянье, праздник, глыбы снега отваливаются, видимы скопления [*экскрементов*] экскрементов.

и снова и снова

Всё было трудно.

На соседних листах – поэтические наброски:

СОН

(Возвращение)

I

Мимо [*темного*] [*древнего*] крутолесистого берега

[*Рыбой летучей*]

[*Проле*]

¹ Степанов Ю.С. Семиотика, философия, авангард // Семиотика и Авангард: Антология. М., 2006. С. 16.

² Сон (*перс.*). В рукописях Державина нередко вкрапления грузинского и фарси – языков, с которых он переводил.

[Огнеокий] [Весь в огн<ях>] Стооконный [прошел] [проходил] идет теплоход.

– Ну – [места] [плесá] места! Хуже гнойного вёреда!
 На [корме] носу взгомонился народ.
 – [Глубжина-то] Глубина-то! Попробуй – померяй-ка!
 Ну а вдруг, ежли сверьху попрёт?!

II

[Завершалась] Это было пор[а]ой лесосплава.
 [Крики] Грохот, лязг [доносились] долетали сквозь мгу...
 Эта дебрь [лесная] [седая] [стоявшая] – с дней Ярослава...
 [Я представить иной не могу]
 Ты ли это? Узнать не могу...
 А рассвет занимался кроваво
 На [пустынном] [седом] отлогом глухом берегу.
 [Выступа<ют>] [Подымаются] Розовеют в тающей дымке
 [Главы] [Стены] Главы [древ] древнего монастыря.

III

В [ключьях] клубьях [ды] дыма [летят] лучи невидимки
 [О несбыточном [(мне)] говоря]
 [Прорв]
 Прорвались, реку́ серебря.
 Заклубились лучи невидимки,
 Ледяную реку́ серебря.
 дальше – описание утра под Макарьевом... Прибытие. Город. Убожество и непохожесть нашего дома. Домом на<шим> владеет некая спекулянтка местная отвратительная. Подробн. встречи, я в ожида[ю]нии. Пробуждал.

Еще один автограф, перечеркнутый крест-накрест:

Возвращение

[Ранней весной]
 [Пока судоходна река] [Пока вода не]
 Я [приплыл] приплыл
 На [стареньком пароходике] убогом буксире,
 Шлепающем облезлыми спицами
 Несоразмерно больших колес.

На рассвете, [в тумане] в тумане
 На [высоком] крутом берегу
 [Забелел монастырь]
 [Забрезжили главы собора]
 Зарозовели древние башни
 Стен монастырских.

Золотом темным сквозь дымку
Пробрезжил купол собора.

Значительно бóльшая степень связности и завершенности характеризует стихотворение со сходным сюжетом, насыщенное реминисценциями из художественного мира русского символизма – в первую очередь блоковскими¹. Уже избранная форма – четверостишия, написанные четырехстопным ямбом с чередованием дактилических и мужских окончаний – отсылает к знаменитой «Незнакомке»; отсылка обретает определенность в центральной строфе, где присутствует сочетание *берег очарованный*:

Меж берегами мертвыми, безлесными
Плыву в забытый богом мир,
И шлёпает колёсами облезлыми
Пыхтящий астматический буксир.

Где ж древняя чащоба самоцветная,
Начало миру давшая и мне?
Лишь топляки, коряги чуть заметные
Торчат зловеще в мутной глубине.

Причаливаем. Дальше плыть рискованно...
Грохочет трап... Недалеко шоссе.
Да впрямь ли это берег очарованный
Мне предстает в развенчанной красе?

Как верили, взыскав града, слепо мы!
Ни сил души, ни жизни не шадя!
Теперь одни грузовики с прицепами
Здесь лязгают, воняя и дудя.

Лесная гарь над сгинувшими сказами,
Когда-то – полный ликом – воздух пуст.
Отравлен воздух выхлопными газами,
И злой упрек готов сорваться с уст.

Правка строфы 4 демонстрирует углубление семантического объема и историко-культурной перспективы стихотворения:

¹ Среди незавершенных текстов Державина есть набросок:
[В заре сверкает] Укатанная зимняя дорога
[Как бы окованная] Окованная [снежным] [звонким] будто серебром...

[Был] И смутный лик Миродерж.<авной?> Д.<евы?>
Был темен в ранних Блоковских стихах.

Как верили, [*в свой рай*] взыскупя града, слепо мы!
 Ни [*или*] сил души, ни [*жизни*] [*жизни*] жизни не шадя!
 [*Здесь лязгают*] Теперь одни грузовики с прицепами
 [*Во тьме у забега<ловки>*] Здесь лязгают, воня и дудя.

Жертвует упоминанием *забегаловки* (которое отсылало бы снова к «Незнакомке»: «По вечерам над ресторанами...»¹), поэт вводит эстетически рискованный деепричастный дуплет *воня и дудя*, который напоминает уже о «Скифах» 1918 года (и о революции как причине катастрофической метаморфозы пространства): «Россия – Сфинкс! *Ликуя и скорбя*, / И обливаясь черной кровью...»² (курсив мой. – *И.Л.*).

Однако этим реминисцентная перспектива не исчерпывается: читатель может вспомнить стихотворение «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (1901) из «Стихов о Прекрасной Даме»: «Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо, / И молча жду – *тоскуя и любя*»³ (Курсив автора. – *И.Л.*). Эта отсылка возводит проблематику стихотворения к истокам – к софиологии Владимира Соловьева – через строки эпитафии, взятого Блоком из соловьевского стихотворения «Зачем слова? В безбрежности лазурной...» (1892): «И в этот миг незримого свиданья / Нездешний свет вновь озарит тебя, / И тяжкий сон житейского сознанья / Ты отряхнешь, *тоскуя и любя*»⁴ (курсив мой. – *И.Л.*).

Такого рода ходы державинской мысли интересны и достаточно сложны, однако поддаются рациональному объяснению. Рабочая папка поэта хранит материалы, хотя бы предварительная интерпретация которых может строиться лишь на *семиотике внутреннего*, семиотике *тонких пленок*, о которой говорил Ю.С. Степанов⁵.

Державин, ушедший в переводы и покинувший советский литературный процесс, записывает в начале 1960-х годов: «Я [*возражаю*] восстаю против современного течения в молодой поэзии, течения рассудочного декламационного торского. Я за возврат к иррациональному искусству. К искусству не придуманному, а естественно рожденному из глубин. Все рассудочное чуждо искусству. Разум, высший разум все это несет».

Публикуемые в приложении фрагменты (второй из них можно считать, кажется, относительно законченным стихотворением) связаны с иррациональными фундаментами творческой лаборатории поэта. Один относится к германскому локусу и органной музыке, другой основан на современном автору, «советском» материале. Объединяет их присутствие странной (особенно в первом случае) просторечной формы *верхотурка*, упоминания храмового пространства (в первом случае, вероятно, в протестантском или католическом варианте) и очевидное сходство в описании персонажей – *сторожа* и железнодорожного

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 2: Стихотворения 1904–1908. С. 185.

² Там же. Т. 3: Стихотворения и поэмы 1907–1921. С. 361.

³ Там же. Т. 1: Стихотворения 1897–1904. С. 94.

⁴ Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 92.

⁵ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 10–12.

проводника. Как, каким образом два столь далеких друг от друга замысла связаны между собой – остается загадкой...

К рукописи незавершенного стихотворения «Вождь и ответ» примыкает небольшой листок бумаги, служивший, вероятно, книжной закладкой, с рабочей записью на русском и немецком языках:

F
фуга – (ее строй) – 442

Führer und Antwort
Голос и Отзвук
(букв. Вождь и Ответ)

Так возникает
Фуги звучанье:
Бег – настиганье,
«Голос и [отзвук] отклик»
Führer und Antwort
«Вождь и Ответ»

Отзыв, [летящий] [ло] звучащий
В лад доминант[ы]е главного тона

тут всё доработать (изучить историю) органа
подробности

Попытки найти источник с помощью Google ведут не к музыковедческим исследованиям (как можно было бы предположить), а к тексту повести Лескова «Колыванский муж» (1888). Это проясняет значение цифр: именно на странице 442 тома 8 известного советского одиннадцатитомника находится соответствующее место – развернутая в финале 14-й главы метафора разрешения сложной семейной коллизии в сюжете повести:

Это совсем не песенка из московского песенника на голос: «Когда сын у нас родится – мы Никитой назовем», а это трудная, серьезно задуманная фуга, развить которую есть серьезная цель для всего предстоящего, но зато сколько надо иметь смысла и терпения, чтобы всю эту фугу вывести одною рукою!

Фуга, как стройный ряд повторяемостей, берется сначала одним голосом без всякого аккомпанемента, и ее основная тема называется «вождем» (Führer), а когда он окончит – другие повторяют то же в ладе доминанты главного тона (Antwort).

Иначе это не идет¹.

Видимо, в синтагмах лесковской прозы Державин расслышал потенциал поэтического ритма: «...в лад[е] доминанты / главного тона...». Осмелимся

¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 8. С. 442.

предположить, что внимание Державина-читателя насторожилось ранее – в начале главы 11, где употреблено редкое слово, встречающееся в его раннем, начала 1930-х годов, стихотворении на германскую тему. Перед тем, как впервые в повести вводится тема фуги («Ходит по залу с своею скрипкою и все фуги, и фуги... Всем надоела!»), о героине по имени Аврора здесь говорится: «Глядя на нее, иногда можно зафантазироваться над теориями метаспихоза и подумать, что в ней живет душа какой-то тевтобургской векши»¹. В стихотворении «Как пьет из бурного потока...», сохранившемся среди бумаг С.В. Шервинского (в папке Державина есть попытка воссоздать и записать этот, вероятно, полузабытый автором текст), есть строфа:

Меж сосен сумрак копошится,
Косматый, пляшущий узор,
И нам, быть может, только снится
Глубокий Тевтобургский бор².

Сюжет о композиторе и заказанной партитуре, кажется, должен был бы ассоциироваться с белым пятистопником «Моцарта и Сальери», владение которым Державин продемонстрировал еще в сборнике 1936 года («Старик») и в неизданном стихотворении «Почти шутка», где в одном из стихов ритмико-синтаксический параллелизм выводит на поверхность источник: «Мигая, дикой тайной надвигалась»³ прямо призвано напомнить о «Пылая, с легким дымом исчезали»⁴. Однако начало монолога написано верлибром, и лишь в последнем из написанных строфоидов проявляются изысканный ритмический рисунок и рифмовка. Можно предположить, что в стихотворении жива память об одной из «драматических новелл» Александра Сергеевича Кочеткова (1900 – 1953), восходящих, в свою очередь, к «маленьким трагедиям» Пушкина; Кочетков входил в круг ближайших друзей Державина, был его соавтором по переводам⁵. В пьесе «Аделаида Граббе» Бетховен говорит о смерти:

Когда придет, пожалуй, не расслышу
Ее скрипучей поступи... Э, полно!

¹ Лесков Н.С. Указ. Соч. С. 422.

² РГАЛИ (Москва). Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 9.

³ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 687. Л. 24.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические сочинения. С. 306.

⁵ По нашему предположению, с памятью о Кочеткове, атмосфере его дома и семьи, связан набросок:

(о Коч.<еткове?>
Мерцала там по вечерам всегда
Затменно-переменная звезда
Бутылки и высокого ума
Блаженной эйфории полутьма
Сменялась блеском гения.
Под текстом, справа, записано слово: *щегол*.

Фантомы не страшат меня с тех пор,
 Как умерла земля.
 Но партитуру
 Закончить должно к сроку <...>¹

Тогда, возможно, героем-протагонистом стихотворения «Вождь и Ответ» является Бетховен, а *скрипучая* поступь смерти отзывается в курьезно звучащей фамилии спутника героя стихотворения о «ревизии» монастыря под Челябинском: *Скрипучкин*. Можно предположить в этой фамилии и полемическую соотнесенность с «эстрадной» злобой дня шестидесятых: *Букашкин* из стихотворений А.А. Вознесенского «Антимиры» (1961) и «Баллада-диссертация» (1963). В именовании (прозвище?) протагониста анжамбеман подчеркивает двойственность ассоциаций: имя *Нестор* корреспондирует к *древнерусскому, летописному и монастырскому* локусам, а имя вместе с отчеством, перенесенным в начало следующего стиха, ассоциируется с фигурой Махно и напоминает о годах революции и гражданской войне.

Пятистопный ямб, которым написана основная часть второго стихотворения, снова (и, вероятно, значимо) отклоняется от метрики пушкинских трагедий. Думается, что его основной источник – написанные белым стихом «ударь» поэмы Кузмина «Форель разбивает лед». Прямые намеки на «Первый удар» слышны с первого же стиха: «Был двадцать градусов по Реомюру / Мороз, когда приехал я в Челябинск...» и «Стояли холода, и шел “Тристан” / В оркестре пело раненое море...»; «У-у! Как накурено! Ну что ж, закурим...» и «Пожал мне руку и сказал “Покурим!”»². «Был двадцать градусов мороз по Реомюру...» – еще один, тринадцатый (значимо ли это?), державинский, *удар* рыбы *об лед*... Утроение корня в строке «Скрипучим голоском скрипел Скрипучкин...» напоминает о «На персях у персидского Персея»³ из стихотворения

¹ Кочетков А.С. С любимыми не расставайтесь. М., 1985. С. 44. Отметим, что слово *верхотурка* появляется в автобиографической поэме Кочеткова «Отрочество», написанной белым четырехстопным ямбом (Там же. С. 92). В стихотворении Державина «Воспоминание» есть отсылка к маленькой песне о Бетховене, написанной другом:

А за стеною радио гремело,
 И деревянным голосом певец
 Кричал Бетховена: «Аделаида,
 Аделаида!..» Гулкий коридор
 Пел, как труба, гуденьем примусов
 И голосами женщин. <...>

Отметим, что три семантических «узла» «нервной системы» этого стихотворения образованы именами, начинающимися с первой буквы алфавита: песня «Аделаида» композитора Бетховена, скульптор *Аристид* Майоль и мифологическая *Ариадна*. Объяснить и мотивировать этот факт помогают идеи и труды Ю.С. Степанова (*Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993).

² Кузмин М.А. Избранные произведения. Л., 1990. С. 284.

³ Там же. С. 274.

Юрий Сергеевич Степанов, подлинный вестник «заветов грядущего» – «идушего от того, чего еще нет»¹, – оставил нам надежный *Vademecum* для путешествий такого рода.

Приложение

Владимир Державин

ВОЖДЬ И ОТВЕТ

Денег нет – и не будет сегодня.
А деньги сегодня нужны....

Прочь, бесплодные угрызения!
Прочь!
Вы мне работать мешаете –
Путаетесь в партитуру!
Облаком мокрого снега
За переплетом окна пролетая,
Вы мне мешаете вспомнить
Главное – то, без чего не смогу
К сроку исполнить заказ.

Гений на полдороге
Бросил меня.

Вижу под грубым каменным сводом
Здания сырого, пустого
Смутные очертанья огромной
Человекоподобной фигуры,
Будто серый облак тумана,
Фосфорилирующий в темноте.

Вот Оно, или Он,
От меня отвращает лицо...
Или блеснул сквозь
 крещенскую
 мокрядь
Отблеск заката

Покроется лиловыми цветами
Ср. запись на другом листе:
Сердце, скинь все оковы!
Пусть мне светит один
Четырёх-лепестковый
Беложелтый жасмин.

¹ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 12.

На разорванных облаках.
Я не знаю, как получилось,
Но увидел я в профиль
Ужасное это лицо,
Твердое, как изваянье
Из серого камня.
Хоть под сводом
Не было камня.
Был только сумрак холодный,
Сырой – и пустой.

Стало мне страшно.
Крикнул я зычно
Во всю силу застуженной глотки:
– Эй, где ты копаешься,
Старая крыса!

И, лестницей деревянной скрипя,
Сапожищами по-слоновьи ступая,
Кряхтя и пыхтя,
На священную верхотурку мою
Сторож одышливо влез,
Дышащий пивом и плесенью подземелий,
Пропахший землей гробовой
И кладбищенской водкой,
Салом протухший,
Старая хищная крыса,
Разъевшаяся, как бегемот.

– Что Вам нужно,
Э-э – мой господин?
– Свечи, бездельник, зажги!
Видишь – темно!

В это время
Он иль Оно
Непрозрачной тенью глухой
Огромное заслоняет окно,
Только в позднем сиянье зари
Многостекóльная роза горит,
И как будто гримасничают
Изваянья,
И дремучие сумраки древнего зданья
Как бы свѣтятся изнутри.

* * *

Был двадцать градусов по Реомюру
Мороз, когда приехал я в Челябинск;
Мой спутник, и дорожный мой прислужник,
Скрипучкин, скороспелый сценарист,
На станциях бежал за кипятком,
Чай мне заваривал.
На верхогурку
Стаканы ставил мне
и бутерброды,
И приговаривал:
– Ну как Вам, Нестор
Иванович, чаёк, колбаска, сыр?
Чего еще изволите?
А я
В гриппу хрипел, сердился, огрызался.
– Не смейте больше называть меня
Вы Нестором Ивановичем!
Дайте
Еще мне чаю. И не пустословьте.
А там, внизу, Скрипучкин раскричался:
– Мы с Вами – наравне.
А Вы! А Вы,
Вы сделали меня своим лакеем!
– Так Вам и надо! – Я сказал.
И вдруг
В вагоне-люкс дыханье лютной стужи
Качнуло огоньки убогих свеч.
Залязгали заржавленные дверцы,
И, приоткрыв их, старый проводник,
Дорожный вор, грошовый спекулянт,
Просу́нулся, спросил:
– Ну – как у вас,
Тепло? В порядке?
Оттеснив от входа
Проводника, в купе вошел военный
В накинутаой шинели:
– Разрешите?
У-у! Как накурено!
Ну что ж, закурим.
Дай чаю, дядя.
– Нет углю, племянник!
Холодный самовар!
– Врешь!
Если разорвешь

Картинку сна, суровую увидишь
Основу – тонкий шелк, ворсинки льна...

И голоса внизу:
– Что с ним? Простуда?

И на глазу – ячмень...

– Вот я его

и вылечу!

Давай его оттуда!

Стакан спиртяги – только и всего!..

Скрипучим голоском скрипел Скрипучкин,
Оправдываясь в чем-то.

Я забылся...

А утром разбудил меня Урал.
Изогнутый, летящий над отвесом,
Состав скрипел, и, падая в провал,
Клоками таял дым над древним лесом.
И вот, когда увалы обогнув,
Открытые увидел я просторы,
Огнем зеленым издали мигнув,
Открылись перед нами семафоры,
Я из вагона вышел на мороз,
Как бы в тепло неожиданного уюта,
Хоть веки ветер обжигал до слёз,
И к январю зима крепчала люто.
Машина?

Не было тогда машин.

Ковровые меня здесь ждали сани.
Как древний богатырь в снегу седин,
Старинный монастырь вставал в тумане...
Огромная вечерняя звезда
Зажглась в зеленом небе над Россией.
Я ехал «инспектировать» сюда,
И делать выводы –

о чем? Какие?..

<1960-е гг.>